

УДК 321.1(476)(470):94

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**УЧАСТИЕ БЕЛОРУСОВ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.**

Белорусский этнос оказал огромное влияние на формирование этнического пространства современной Сибири. Сегодня на просторах Сибири проживают десятки тысяч людей, которые сохраняют свою белорусскую идентичность.

В предложенной статье рассматриваются основные этапы заселения Сибири выходцами из Беларуси, а также исследуются вопросы адаптации переселенцев в новых условиях. В качестве ключевого фактора, определяющего пространственное поведение переселенцев, рассмотрены бытующие среди них «мифы идентичности», которые во многом определили характер их взаимодействий со старожильской средой, а также оказали влияние на особенности культурного ландшафта основанных ими поселений.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, переселение, миграция, этнос, идентичность.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**PARTICIPATION OF BELARUSIANS
IN FORMATION OF ETHNIC SPACE OF SIBERIA
IN THE SECOND HALF OF 19TH – THE FIRST THIRD OF 20TH CENTURY**

The Belarusian ethnos has exerted huge impact on formation of ethnic space of modern Siberia. Today on open spaces of Siberia tens of thousands of people who keep the Belarusian identity live.

In the offered article they are considered main stages of settling of Siberia by natives of Belarus and also questions of adaptation of immigrants in new conditions are investigated. As the key factor defining spatial behavior of immigrants the “myths of identity” occurring among them who have in many respects defined character their actions with the old-timed environment are considered and also have exerted impact on a cultural landscape of the settlements founded by them.

Key words: Russia, Belarus, resettlement, migration, ethnos, identity.

Введение. Территория Сибири издавна представляла собой полиэтничное пространство. Большой вклад в его формирование внесли выходцы из Беларуси.

Белорусский этнос – один из народов, чей миграционный вектор направлялся в Россию на протяжении многих столетий, начиная со времен Великого княжества Литовского. На первом этапе миграция из Беларуси явилась итогом многочисленных войн между Московским государством и Речью Посполитой на территории Великого княжества Литовского, большую часть населения которого составляли белорусы, или же, как их тогда называли, «литвины». Нередко пленных литвинов отправляли в качестве служилых людей за Урал, где они вместе с русскими первопроходцами принимали участие в хозяйственно-культурном освоении Сибири [1, с. 24]. Однако массовые переселения белорусов в Сибирь начались только в XIX в., после включения белорусских земель в состав Российской империи.

Основная часть. Первая волна переселения белорусов в Сибирь связана с разгромом восстания в Польше в 1830–1831 гг., в котором

участвовали и белорусские шляхтичи. Вместе с поляками они тоже оказались в Сибири.

Вторая волна миграции пришлась на 40–50-е гг. XIX в. во время так называемых «киселевских» переселений, когда известный реформатор граф П. Д. Киселев разработал программу освоения восточных окраин Российской империи. В это время в Сибирь пришло несколько организованных партий выходцев из Витебской губернии. Переселенцы именовали себя «панцирными боярами». Это была особая прослойка служилых людей, которая сложилась в Великом княжестве Литовском и занимала промежуточное положение между мелкой шляхтой и тяглыми крестьянами. После присоединения Беларуси к России панцирные бояре вошли в состав государственных крестьян.

В 1850–1860-е гг. несколько общин панцирных бояр, проживавших в Невельском и Себежском уездах Витебской губернии, согласились на переезд в Сибирь. При этом по положению, принятому Министерством государственных имуществ, каждый переселенец получал по 15 десятин земли на душу, по 55 рублей пособия и на 8 лет освобождался от всяких

повинностей, что и явилось важнейшим стимулом к переселению. Интересно, что и после полутора столетий жизни в Сибири самоназвание «панцирные бояре» сохранилось в исторической памяти потомков переселенцев.

Наиболее мощные миграционные потоки в Сибирь пришлось на вторую половину XIX в. Реформа 1861 г., освободив крестьян от крепостной зависимости, дала тем самым определенный простор развитию производительных сил, что выразилось также в ускорении демографического роста. Однако к концу XIX в. реформа исчерпала себя политически и экономически. Примерно к 80–90-м гг. XIX в. обнаружилось несоответствие демографического и технико-экономического развития. Дело в том, что в земледелии по-прежнему преобладали экстенсивные способы ведения хозяйства. Форма и структура крестьянского хозяйства были таковы, что к этому периоду были исчерпаны возможности сохи и трехполья.

По расчетам дореволюционных статистиков и экономистов, трехполье могло выдержать примерно 50 человек на квадратном километре полезной площади [2, с. 165]. В Беларуси к этому периоду на такую площадь приходилось 70–80 человек, что свидетельствовало о большой аграрной перенаселенности. На рубеже XIX–XX вв. она составила не менее трети от всего сельского населения Северо-Западного края. Слабое развитие промышленности в белорусских городах не могло поглотить огромную, превышающую 1,5 млн., избыточную армию сельских тружеников.

В таких условиях переселение в другие районы страны, преимущественно в Сибирь, стало явлением неизбежным. Так, за 1885–1906 гг. из северо-западных губерний России переселились в Забайкальскую область, Томскую и Тобольскую губернии 194,2 тыс. человек, почти две трети из них были выходцы из Могилевской и Витебской губерний.

Наиболее мощная волна переселений из белорусских губерний приходится на 1907–1909 гг. Так, за период с 1904 по 1914 г. из пяти западных губерний переселилось 356 378 человек. Из них в течение 1904–1906 гг. выехало 21 012 человек, что составляло 5,9% переселенцев. В то же время за 1907–1909 гг. выехало 248 354 человек, или 69,8% всех переселившихся [4, с. 122].

В 1907 г. переселенческое движение приобрело особенно массовый характер. В частности, газета «Могилевский Вестник» отмечала, что губернию «охватила какая-то переселенческая горячка. Уезжали стар и млад, уезды выбрасывали ежедневно в губернский город сотни переселенцев, и мечта “ў Томск!” сделалась лозунгом всех и всякого» [5].

Переселялась в основном крестьянская беднота. Так, 64% переселенцев имели на родине надел меньше пяти десятин на двор и только 2% имели надел свыше 15 десятин. Переселенцы из Витебской губернии направлялись преимущественно в Енисейскую, Томскую и Тобольскую губернии, а из Минской, кроме того, в Иркутскую, Амурскую, Приморскую, Акмолинскую губернии.

Процесс переселения состоял из нескольких этапов. На первом этапе создавались организованные ходаческие группы, состоящие, как правило, из домохозяев. Ходок мог отправляться не только от имени одной семьи, но и по поручению сельского общества или товарищества. Таким организованным ходокам выдавались на руки переселенческие свидетельства, удостоверяющие их статус и дающие транспортные льготы. Количество ходоков, равно как и количество запросов от сельских обществ, соответствовало числу земельных долей, определяемых Переселенческим управлением в соответствии с проведенным мониторингом свободных и пригодных для заселения территорий.

На втором этапе, в случае договоренностей между ходоком и местной администрацией, на место поселения выезжала семья переселенца или целое крестьянское поселение. При этом и проезд ходока, и перемещение его семьи (в один или оба конца) полностью (впоследствии частично) оплачивались за счет казны.

Был разработан комплекс мер для финансовой поддержки переселенцев. Еще 5 июня 1894 г. вступили в силу «Временные правила о пособиях от правительства нуждающимся семействам переселяющихся». Они пересматривались и дополнялись в 1896, 1899, 1903, 1909 гг. В окончательном виде они составили закон от 19 апреля 1909 г. «О порядке выдачи ссуд на общепользные надобности переселенцев».

В Сибири и на Дальнем Востоке земля отводилась крестьянам-переселенцам в «частное владение на правах постоянного наследственного пользования». Это был шаг к введению здесь частной собственности на землю.

Норма отвода земли в Сибири крестьянам-переселенцам составляла 15 десятин в расчете на одну «мужскую душу». При этом семья получала 35–40 десятин земли. Ей также предоставлялось государством единовременное пособие на обустройство хозяйством в сумме 165 рублей в Сибири и 200 рублей на Дальнем Востоке.

Следует отметить, что в годы Столыпинской реформы качественный состав переселенцев значительно изменился. Если в 70–80-х гг. XIX в., когда переселенческие процессы всячески сдерживались властями, среди мигрантов преоблада-

ли активные элементы, которые «надеялись лишь на себя и на Бога», то когда эти процессы разрешились, «хлынула серая масса, которая всегда ждет милости от начальства» [3, с. 168], т. е. переселялись в основном те, кто не смог перестроить свое традиционное хозяйство дома.

В то же время Сибирь выдвигала свои требования. Как отмечал известный российский либеральный экономист А. Кауфман: «Сибирская тайга не годится для массового переселенца. Он ее боится» [2, с. 166].

В результате переселенцы столкнулись с огромными сложностями. По официальным данным, за 1908 г. по всей России на каждую тысячу переселенцев приходилось 118 человек, погибших от тяжелых условий в пути и на новых местах [4, с. 131]. Итогом всего этого стало массовое обратничество, т. е. возвращение крестьян в родные места. В течение 1907–1914 гг. в Беларусь возвратилось 36 544 человек, или 10,9% всех переселившихся. Наибольшая волна возвращенцев пришлась на 1910–1911 гг., когда в родные места вернулось 13 597 человек, или 37,2% все возвратившихся [4, с. 132]. В качестве главных причин возвращения крестьяне указывали плохие условия климата и нехватку угодий (41% возвращенцев), постоянные неурожаи (15%), нехватку средств для обустройства на новом месте (10%). Остальные заявили, что вернулись временно или по другим причинам [6, с. 92].

И все-таки основная масса переселенцев была вынуждена адаптироваться к новым условиям жизни.

Уже сам по себе процесс переселения белорусских крестьян в Сибирь стал одной из отправных точек в формировании их новой идентичности. Об этом свидетельствует широко распространенное в Сибири название «самоходы», которое применялось для обозначения переселенцев из западных губерний и, прежде всего, из современной Беларуси. В белорусском языке слово «самохад» означает «добровольно, по своему желанию».

Таким образом, самоходами были люди, которые пришли в Сибирь самовольно. Тем самым это была самая мобильная часть переселенцев, которые не побоялись пройти несколько тысяч километров в поисках лучшей доли. В повседневной жизни слово «самоход» часто заменяло определение национальной принадлежности крестьян [7, с. 69].

Это во многом было связано со слабой национальной самоидентификацией белорусского крестьянства, которое на Родине часто употребляло в качестве своего обозначения понятие «тутейший». Этноним «белорус» окончательно закрепился лишь в 20-х гг. XX в. Поэтому у прибывших в Сибирь переселенцев доминировала не

этническая, а региональная (по губернии выхода) самоидентификация. Называть себя белорусами большинство потомков переселенцев начали довольно поздно – в 20–30-х гг. XX в. Наиболее часто осознанию их национальной принадлежности способствовали оставшиеся связи на родине или внешняя национальная идентификация [8, с. 70].

Первые поколения белорусских крестьян, переселившихся на территорию Западной Сибири, имели целый ряд отличий от местного старожильческого населения как в материальной, так и в духовной культуре. Данные обстоятельства на протяжении длительного времени поддерживали механизмы этнической самоидентификации белорусов-«самоходов», основанные на принципах инаковости, противопоставления себя местному этнокультурному окружению. Наиболее часто в роли старожильческой среды, в которой были вынуждены существовать переселенцы, выступали чалдоны, составлявшие большинство старожилов, и двоеданы (старообрядцы).

Для переселенцев из Беларуси существовало два основных варианта расселения в Сибири. Первоначально группы белорусских переселенцев, прибывшие в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в., основывали собственные компактные поселения, образующие кусты деревень или хуторов. На первых порах в них продолжали доминировать традиционная культура и принципы хозяйствования, привнесенные из мест прибытия переселенцев.

Однако в 20–30-х гг. XX в., в результате проведения политики коллективизации, стали создаваться крупные поселки. В них проходили процессы разрушения традиционного жизненного уклада переселенцев, что приводило к размыванию граней их этнокультурной самоидентификации. В результате здесь произошла почти полная ассимиляция потомков белорусских переселенцев [7, с. 70].

Иная ситуация сложилась в местах, которые не охватила волна массовой коллективизации. Вследствие этого в некоторых районах Сибири и Урала сохранились небольшие белорусские деревни, население которых продолжало жить достаточно обособленными общинами, в которых на протяжении нескольких поколений сохранялась высокая степень идентичности, сопровождаемая воспроизводством многих региональных особенностей материальной и духовной культуры, присущих местам выхода предков [8, с. 129].

Второй вариант расселения белорусов предусматривал подселение части переселенцев в деревню, в которой проживало старожильческое население. При этом переселенческая община чаще всего продолжала жить автономно,

на протяжении многих лет не интегрируясь в старожильческую среду.

Такая ситуация часто приводила к конфликтам между местным населением и переселенцами. Иногда ситуация доходила до того, что не только деревня, но и кладбище официально делились на две части – «старожильческую» и «самоходную» [8, с. 126].

Безусловно, подобное противостояние старожильческих и новопоселенческих крестьянских общин, основанное на мировоззренческой оппозиции «свой – чужой», не только препятствовало быстрой ассимиляции белорусских переселенцев на новом месте, но и в некоторых случаях даже обуславливало усиление их этнокультурной самоидентификации. Противопоставление себя культуре местных жителей, наряду с окружающими суровыми природно-климатическими условиями, способствовало сплочению приехавших в Сибирь белорусов на разных уровнях общности.

Первым из них являлась система компактного расселения – расположенные в непосредственной близости друг от друга места проживания белорусов, которые вели между собой торговлю, приезжали друг к другу на праздники, с целью сватовства и т. д. Подобные общности местные жители отождествляли со своеобразными национальными анклавами – островками родной культуры.

Ко второму уровню можно отнести поселенческую общину, составляющую либо целое поселение (деревню, село, хутор, поселок), либо его отдельную часть (в случае смешанных поселений); к третьему – семью, род.

Таким образом, переселенцы из Беларуси продолжительное время сохраняли в Сибири свою самобытную духовную и материальную культуру, несмотря на явную, изначально предусмотренную в циркулях чиновников политику русификации. При оформлении документов на переселенцев в пунктах отправления изменялись на русский лад фамилии и имена белорусов. Так, исконно белорусская фамилия Коваль превращалась в Ковалева, Жук – в Жукова, Равенок – в Равенкова, имя Михась – в Михаила, Томаш – в Фому и т. п.

Но вытравить дух самобытности, белорусской народной культуры, древний славянский язык белорусов чиновникам было не под силу. Для этого потребовалось столетие. Духовная культура белорусов-сибиряков в течение XX в. ассимилировалась с местными обычаями и традициями русских и других народов. Появился особый тип современного регионального этноса – сибирский белорус, или, как еще в шутку говорят, «морозоустойчивый белорус».

И по сей день многие из переехавших за Урал не считают себя глубинными сибиряками,

потому что внутренняя связь с европейской историей сохраняется.

Заключение. Таким образом, белорусы внесли значительный вклад в формирование этнического пространства Сибири.

Первоначально, со второй половины XIX в. до 1920-х гг. самоидентификация крестьян, переселявшихся из Беларуси в азиатскую часть России, складывалась стихийно. Благодаря внутреннему характеру миграций переселенцы отождествляли свою родину с Россией. При этом в их идентичности доминировала не этническая, а региональная дифференциация. В Сибири, начав проживать рядом с русским старожильческим населением, белорусские переселенцы получили своеобразный новопоселенческий социокультурный статус, который нашел свое отражение в широком использовании названия «самоход».

Некоторые локальные сообщества переселенцев (такие как «панцирные бояре») привнесли на территорию Сибири самоназвания, отражавшие их сословный или социальный статус. После установления советской власти, в 1920-е гг. начинается новый этап трансформаций этнического самосознания выходцев с территории Беларуси, в котором стали доминировать административно-политические факторы, сопровождавшие процесс белорусизации. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. большинство переселенцев уже отождествляло себя с беларусами.

Однако в начале 1930-х гг. в связи с изменениями в национальной политике СССР процесс белорусизации был свернут. В 1930-е гг. такие социально-политические и экономические факторы, как коллективизация и индустриализация, привели к серьезным демографическим изменениям в местах компактного проживания белорусов. В результате все больше потомков белорусских переселенцев начинают отождествлять себя с русскими либо просто не задумываются о своем этническом происхождении.

Только начиная с 1990-х гг. наблюдается рост интереса отдельных профессиональных исследователей и любителей-энтузиастов к истории и традиционной культуре белорусских крестьян-переселенцев как к одному из достойных историко-культурного наследия. На этом фоне у отдельных людей, интересующихся традициями предков, начинает вновь проявляться белорусское самосознание.

В последнее время в его формировании все чаще доминирует не межпоколенная историческая память, а опосредованные источники информации (архивные документы, этнографические описания, публикации в СМИ и Интернете и т. д.).

Литература

1. Кухта С. В. Белорусское переселенческое движение в Сибирь в дореволюционный период: этапы и особенности // Молодежь и наука: сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К. Э. Циолковского (12 марта 2012 г.). Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2012. С. 24–30.
2. Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. М.: Г. Леман и Б. Плетнев, 1915. 512 с.
3. Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск: Наука и техника, 1978. 146 с.
4. Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск: Издательство БГУ, 1978. 221 с.
5. Могилевский вестник, 1913, 10 марта.
6. Дудкоў Д. А. Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерніі. Мінск: Інстытут гісторыі Беларускай акадэміі навук, 1931. 121 с.
7. Федоров Р. Ю., Богордаева А. А. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности // Ойкумена. 2014. № 3. С. 67–76.
8. Багашев А. Н., Федоров Р. Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 124–129.

References

1. Kuhta S. V. The Belarusian resettlement movement to Siberia during the pre-revolutionary period: stages and features. *Molodyozh' i nauka: sbornik materialov VIII Vserossiyskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchyonikh, posvyashchennoy 155-letiyu so dnya rozhdeniya K. E. Tsiolkovskogo* [Youth and science: The collection of materials of the 8 All-Russian scientific and technical conference of students, graduate students and young people devoted to the 155 anniversary since the birth of K. E. Tsiolkovsky]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2012, pp. 24–30 (In Russian).
2. Kaufman A. A. *Obshchina. Pereseleniye. Statistika* [Community. Relocation. Statistic]. Moscow, G. Lehmann and B. Pletnev Publ., 1915. 512 p.
3. Vereshchagin P. D. *Krest'yanskiye pereseleniya iz Belorussii (vtoraya polovina XIX veka)* [Peasant resettlements of Belarus (second half of the 19th century)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1978. 144 p.
4. Lipinski L. P. *Stolypinskaya agrarnaya reforma v Belorussii* [Stolypin agrarian reforms in Belarus]. Minsk, BGU Publ., 1978. 221 p.
5. *Mogilevskiy vestnik* [Mogilev Bulletin], 1913, March 10.
6. Dudkov D. A. *Stalypinskaya reforma u Vitsebskay gubernii* [Stolypin's reform in the Vitebsk province]. Minsk, Institute of History of the Belarusian Academy of Sciences Publ., 1931. 121 p.
7. Fedorov R. Yu., Bogordaeva A. A. Country resettlements of Belarusians to Asian Russia: geography and myths of identity. *Oykumena* [Oykumena], 2014, no. 3, pp. 67–76 (In Russian).
8. Bagashev A. N., Fedorov R. Yu. Features of ethnocultural identity of the Belarusian immigrants in Western Siberia. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia], 2012, no. 3 (51), pp. 124–129 (In Russian).

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 25.09.2018